

Принимая гостей в Тереме Айвань уже много дней, Бай Иньфэн, хоть и не видел, всё равно многому научился у мамки. Если клиент был постоянным, мамка говорила:

— Господин, вы наконец-то пришли! Девушка так по вас страдала!

Если же клиент был новым, тонкостей становилось куда больше. Мамке приходилось оттачивать ядовитый взгляд, потому что принимать можно было далеко не всех: некоторые приходили поесть и выпить задаром — таких, если недоглядеть, можно было здорово прогореть; другие были на пороге смерти и хотели в последний раз порезвиться — такие клиенты доставляли массу хлопот, мало того, что могли умереть прямо в борделе, но даже если просто теряли сознание или падали и ушибались, это грозило судебными разбирательствами; третьи копили деньги несколько лет, чтобы просто посмотреть, что такое публичный дом — таких приходилось долго ублажать, и вдобавок после всё они могли передумать и заявить, что не стоит это таких денег...

Так что по тону мамки можно было понять, что пришедший, судя по одежде и манере держаться, был очень состоятельным, с румяным лицом, шёл размашистой походкой и смотрелся настоящим простофилей.

Бай Иньфэн, разбуженный любопытством, сосредоточенно прислушался. Мамка уже позвала двух самых знаменитых в заведении девушек — Хунье и Нинби — встретить гостя.

Молодой мужской голос, звучащий несколько грубо, произнёс:

— Ваша первая красавица, кажется, зовётся Ваньлоу? Позовите-ка её сюда, пусть я взгляну. Не беспокойтесь, у меня, господина Линь Пятого, денег куры не клюют!

Этот человек, оказывается, принял два последних иероглифа из названия Айваньлоу за имя куртизанки. Бай Иньфэн от изумления остолбенел — не думал, что в мире найдётся человек более безграмотный, чем он сам. Хотя он и не был полным неучем, по крайней мере, умел читать и понимал простые аллюзии. Но господин Линь Пятый, без сомнения, был настоящим гулякой.

Мамка, кажется, на мгновение оцепенела, прежде чем сообразила, что к чему, и, заискивающе улыбаясь, ответила:

— Господин Линь Пятый, вы пришли в неподходящее время. Нашему заведению уже сто лет, и я даже не знаю, где сейчас может находиться эта девица Ваньлоу. Хунье и Нинби — девушки, выбранные из десяти тысяч, как же вы можете обидеть их, выбирая при них другую?

Хунье и Нинби прильнули к нему с двух сторон. Одна слегка обиженно сказала:

— Господин Пятый, а чем я плоха?

Другая добавила:

— Господин Пятый, если вы так скажете, я не согласна!

— Хе-хе-хе! — Господин Линь Пятый обнял обеих, и его смех прозвучал крайне развратно. — Хороши, хороши, но двух мало, нужно ещё несколько! Быстро созовите всех девушек вашего заведения!

Бай Иньфэн, услышав это, понял: этот человек, несомненно, частый гость в подобных местах,

его манеры идеально вписывались в атмосферу публичного дома.

Мамка замялась:

— Это... все девушки очень нежные создания. Если я их позову, боюсь, каждая найдёт предлог — то причёсывается, то красится — и откажется приходить.

Линь У достал из поясного кошелька серебряный слиток:

— Правила я знаю. Мелочь, пусть девушки купят себе румян! Пусть побыстрее приведут себя в порядок, господин Пятый ждать не любит!

Мамка украдкой взвесила серебро в руке, и её лицо расплылось в улыбке:

— Обязательно постараемся. Хунье, Нинби, проводите господина Пятого в отдельный кабинет и составьте ему компанию, пока он ждёт.

Бай Иньфэн, поняв, что зрелища не будет, решил, пока мамка занята делом, потихоньку ускользнуть. Девушки могли есть и пить с гостями, а ему это было недоступно, так что лучше пойти проверить, что осталось на кухне, и наполнить желудок.

Он делал вид, что настраивает инструмент, но на самом деле прислушивался к происходящему в зале. Теперь же, взяв саньсянь и опершись на костыль, он поднялся.

Линь У сказал:

— Кроме этих двух, эта, эта и ещё эта — пойдут со мной в кабинет.

— Они, пожалуй, не соответствуют статусу господина Пятого... — взгляд мамки скользнул по тем, на кого он указал, и в нём промелькнуло что-то неладное.

В публичном доме за встречу брали одни деньги, за угощение — другие, за ночь — третьи. Цена у каждой проститутки была разная, между самой дорогой и самой дешёвой разница могла достигать десятков раз. Деньги за встречу и чай заработать проще, девушкам не приходилось рисковать заразиться болезнью, да и обидеть кого-то было сложнее. Поэтому чем более дорогие девушки выходили к гостям, тем выгоднее это было для заведения.

Те две, на которых указал Линь У, были недорогими, а третья и вовсе... вызвала недоумение. Неужели этот парень пришёл скандалить?

Линь У уже сказал:

— Этот мужчина, с саньсянем, это тебе говорю! Стой!

Бай Иньфэн, услышав, как его называют мужчиной с саньсянем, инстинктивно напрягся и бессознательно сжал костыль.

Взгляд мамки быстро скользнул по Линь У сверху донизу, и она, улыбаясь, произнесла:

— Не знаю, есть ли у господина какие-то особые предпочтения? Малыш Инь — всего лишь слепой музыкант, боюсь, он не сможет вас хорошо обслужить...

— Ничего, господин Пятый, когда пьёт в обществе цветов, любит, чтобы рядом кто-нибудь наигрывал мелодии, — Линь У похотливо погладил руку Хунье.

Мамка лишь боялась, что Малыш Инь кого-нибудь обидит, но, поняв, что всё в порядке, успокоилась. Увидев похотливый вид Линь У, она решила, что если задерживать его снаружи, он может начать непристойно себя вести, и кивнула Хунье и Нинби, чтобы те поскорее увели Линь У в кабинет.

Бай Иньфэн и раньше не раз заходил в отдельные кабинеты играть на саньсяне. Услышав слова Линь У, он понял, что это не императорский соглядатай, пришедший его проверить, и спросил у мамки:

— Сестрица У, значит, мне идти?

— Иди. Судя по акценту, он тоже южанин, вам, южанам, наверное, будет о чём поговорить.

Бай Иньфэн промычал угу, но подумал про себя: на юге столько разных акцентов, я родился в Хуэйнине, вырос в Цзяннани, мне будет трудно найти общий язык с человеком, говорящим с шуским акцентом. К тому же, он сам слеп и не может следить за выражением лица собеседника, как бы не нажать себе врага.

Мамка добавила:

— И ещё, когда ты станешь не нужен, сразу выходи, не нарушай настроение почтенного гостя.

— Не волнуйся, Сестрица У, я буду осторожен, — поспешно ответил Бай Иньфэн.

Ему и самому не хотелось приближаться: если пробудится его собственная похоть, вряд ли кто-то позаботится о том, как музыканту справиться с ней.

Вскоре после того, как Линь У вошёл в кабинет, мамка привела всех свободных на тот момент девушек. Линь У выстроил их в ряд, выбрал шестерых, чтобы остаться, и вместе с четырьмя ранее выбранными они уселись за стол. Остальным дали деньги на чай и отпустили. Получается, он был человеком, знающим правила и умеющим веселиться, таких заведение, конечно, очень приветствовало.

Как музыкант, Бай Иньфэн, естественно, не имел права сидеть за столом. Он мог только устроиться за занавеской и сосредоточенно настраивать струны.

Линь У сказал:

— Сегодня я рад встрече с прекрасными девицами, так что подавайте лучший пир! Вина сначала два кувшина! Кто заставит господина Пятого выпить больше всех, получит награду! Музыкант, сыграй несколько южных мелодий!

Южных мелодий он знал немало, раньше в Цзиньлине он учился в основном южным мелодиям. Только после того, как ослеп, старые мелодии было очень трудно вспомнить, приходилось нащупывать их пальцами. Если бы несколько месяцев назад гость попросил о таком, он бы, возможно, не справился. К счастью, большинство приехавших в Столицу ранее были местными, и он как-то мог с ними справиться.

За последние два месяца, привыкнув к жизни слепого и хромого, он снова начал разучивать южные мелодии, и к настоящему моменту вспомнил только три или четыре.

Бай Иньфэн поклонился в знак согласия, сел, настроил струны и начал играть Яньэр мэй.

Эта мелодия была довольно распространена на юге, в Столице тоже многие умели её играть и петь, так что он, естественно, выучил её первым.

Девушки из Терема Айвань, конечно, тоже были мастерицами уговаривать выпить. Послушав, Бай Иньфэн понял, почему мамка так удивилась: оказывается, девушки, выбранные Линь У за этот стол, были разного уровня, от высокого до низкого.

Обычно такие девушки редко оказывались за одним столом, ведь их одежда, причёски и даже возраст различались. Непонятно, как именно Линь У их выбирал.

Как только Бай Иньфэн начал перебирать струны, он полностью сосредоточился, и окружающие звуки веселья и игр словно перестали до него доноситься. Он сыграл несколько мелодий, Линь У не высказывал никаких замечаний, только развлекался с девушками.

Маленькая служанка тихо подошла к нему и сказала, что он может уходить. Он взял свои вещи, позволил служанке взять его костыль и, прихрамывая, медленно вышел.

Коридоры, главный зал и задний двор Терема Айвань он знал как свои пять пальцев, ему не нужен был провожатый. Но расстановка столов и стульев в отдельных кабинетах часто менялась, так что помощь требовалась.

Вернувшись во внутренний двор, он наконец почувствовал облегчение и глубоко вздохнул.

Он играл на саньсяне не очень хорошо, его часто критиковали, но делать больше он ничего не умел — всё-таки он был слепым и хромым, много работы ему было не под силу.

Он всё ещё надеялся, что его глаза и нога восстановятся. В конце концов, он ещё не умер, возможно, евнух Ван и другие ошиблись с ядом или доза была недостаточной. Хотя такая возможность была ничтожно мала, но вдруг?

<http://bllate.org/book/15610/1393739>